

М.А.Зорин, А.С.Кузьмин¹
**ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЕ МИРАЖИ
 И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ
 ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ**
**Украина 2000–2006:
 СЕТИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ,
 НЕУСТОЙЧИВЫЕ НЕФОРМАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ
 И «ЦВЕТНЫЕ РЕВОЛЮЦИИ»²**

¹ Авторы благодарят Н.И.Бирюкова, В.В.Игрунова, А.А.Казанцева, П.В.Кочешкова, Т.И.Кутковец, В.Д.Малинковича, В.М.Сергеева, М.И.Эйдинова, а также участников аспирантского семинара МГИМО (У) К.Петрова и Н.Кулюшина за участие в обсуждении положений этой статьи.

² Настоящая статья была написана незадолго до выборов в Украине. Ничего, что опровергало бы сделанные здесь наблюдения, избирательная кампания и сами выборы не продемонстрировали.

³ Иерархий, сетей, формальных и неформальных институтов, механизмов интеграции этих сообществ, сообществ и общностей.

В своих лекциях и работах А.М.Садмин неоднократно определял политологию как социологию власти. Вне зависимости от потенциальной дискуссионности этого – как и иных – определений политологии, мы не можем не согласиться с тем, что политическая социология (понимаемая не только и не столько как столь близкая сердцу электоральных технологов демоскопия, но как совокупность имманентно присутствующих рассматриваемому социуму макросоциологических структур³) – одна из основных «ядерных» подструктур политологического знания.

Большая часть работ по политологическому описанию постсоветских трансформаций – в той мере, в которой эти работы отвечают минимальным критериям научности, преимущественно посвящены проблемам эволюции политических режимов.

В классическом понимании под режимом понимается по преимуществу простая совокупность (в наиболее развитых в теоретическом смысле интерпретациях – система) формальных властных институтов¹. Нам случалось уже совместно с коллегами (в рамках организованной «ПОЛИСом» виртуальной мастерской по методологии политической науки) анализировать достоинства и ограничения этого понятийного аппарата с логической точки зрения¹. Ограничения данного подхода проявляются в том, что в процессе транзита институты сами по себе являются не только и не столько рамкой для взаимодействия, системой общепринятых, легализованных и легитимизированных правил, но и предметом договоренностей, торга и борьбы (об этом, например, идет речь в работах Н.Бирюкова и В.Сергеева², в публикациях круга ИГПИ – В.Гельмана, С.Рыженкова, А.Кузьмина, В.Нечаева и Майкла Урбана, а также М.Бри³). Так что взаимодействие между правящим классом и обществом, а также внутри правящего класса основано на неформальных институтах. Но даже в исследованиях, предметом которых оказываются эти самые неформальные институты, остаются открытыми такие

вопросы, как проблема легитимности власти и осуществление управления в режимах, где «пробывание в «серой зоне»» в некотором смысле нормативизировалось. То есть формальные институты делегитимизированы, и ситуация с их легитимацией остается глубоко проблематичной¹.

**Социальные
структуры,
операцио-
нальная
типология
легитимности
и проблема
массового
отторжения
политического**

Оригинальный подход к изучению этих проблем был предложен А.А.Казанцевым², использовавшим сетевой принцип в восходящем к В.М.Сергееву и А.С.Кузьмину методе³ (см. также статьи В.М.Сергеева последних лет и его курс по теории социальных сетей⁴), суть которого состоит в том, что при социально-политическом анализе общество представляется как сложная динамическая контаминация взаимопроникающих и взаимодействующих иерархий и социальных сетей⁴. Вслед за Н.И.Бирюковым и В.М.Сергеевым⁵ А.А.Казанцев утверждает: для того, чтобы такое взаимодействие было эффективным, необходимо, чтобы сети были интегрированы на одном из уровней политической культуры: онтологическом (уровень понимания того, как устроен мир), процедурном (уровень общего понимания того, по каким неформальным/формальным правилам следует решать тот или иной вопрос) или ценностном (уровень общего понимания приемлемости той или иной ситуации)⁶.

⁴ Под социальными сетями подразумевается регулярное социальное взаимодействие, основанное на доверии, влиянии или информации.

Анализируя российское общество, А.А.Казанцев выдвигает гипотезу, что для всех социальных сетей российского социума характерна ценностная интеграция. Такой тип интеграции вырабатывает у всех социальных сетей дуалистическую онтологию (в мире существует «добро» и «зло»). Для носителей такой онтологии характерно стремление к уничтожению «зла», которое есть все, что не добро, и насаждение своих, «правильных» ценностей. Таким образом, ценностная интеграция порождает два враждебных друг другу типа социальных сетей, каждая из которых стремится навязать другой свои ценности. В российских условиях из-за ценностной интеграции всего общества (от сетей власти (те, кто управляет) до сетей повседневности (управляемые, приверженцы основного стиля жизни), политика превращается в навязывание управляющими своих ценностей управляемым. Это раскалывает общество на всех уровнях на два типа сетей: «ортодоксов» (придерживающиеся навязываемых властью ценностей) и «еретиков» (противостоящие этим ценностям).

Далее возникает вопрос: а каков механизм осуществления политики навязывания ценностей? Как режим обеспечивает себе при этом легитимацию?

Отсутствие процедурной интеграции делает невозможным использование формальных институтов для «ортодоксальных креативных сетей власти», внутри которых принимаются ключевые для системы решения. Издержки по реализации решений снижают ценностно-интегрированные *властные сети исполнения* (сети, связывающие бюрократ-

тов на различных уровнях управления). При этом ценностная интеграция различных сетей власти оказывается крайне важной для сохранения режима.

Дело в том, что его легитимность обеспечивается либо за счет включения в сети власти людей из низов, обладающих, с одной стороны, достаточным авторитетом среди окружающих, а с другой стороны, достаточной ортодоксальностью. Это приводит к тому, что сеть влияния этого социального агента становится сетью влияния власти. В том числе за счет насильственного вторжения в частную жизнь сетей повседневности (отмена льгот, отмена армейских отсрочек), подкрепленного неким ценностным проектом.

Таким образом, в случае смены ценностной интеграции сетей власти на процедурную (такая смена происходит в силу неизбежного возрастания коррупции) оба источника легитимации исчезают. Более того, репрессии по отношению к сетям повседневности ничего, кроме издержек и рисков, для них не несут.

В этой ситуации сети «еретиков», существующие параллельно с властью, мобилизуют на основе символов репрессированного быта различные социальные сети повседневности в одно антиправительственное движение и уничтожают режим. Но это не приводит к существенным изменениям, так как «добро» и «зло», «ортодоксы» и «еретики» просто меняются местами. Таким образом, тип интеграции социальных сетей существенным образом сказывается на характере режима.

На наш взгляд, казанцевская модель описания режимов при помощи анализа типов интеграции социальных сетей власти и повседневности, а также соотнесения их с возможными механизмами легитимации власти является достаточно убедительной для описания режимов со слабыми формальными институтами

Тем не менее, как представляется, она нуждается в ряде существенных уточнений.

Во-первых, при изучении вопросов легитимности власти упускается момент, что во многом ее тип определяет стратегия сетей повседневности. Только изучив эти стратегии, можно говорить о характере легитимности режима.

Американский ученый А.Хиршман³⁰ полагал, что таких стратегий может быть три: exit, voice и loyalty. Под loyalty автор подразумевал ситуацию, при которой власти могут мобилизовать социальные сети повседневности для поддержки режима. Имеется в виду, что социальные сети повседневности одобряют действия властей (назовем это положительной легитимностью). Стратегия voice подразумевает ситуацию, когда граждане активно (не только электорально) выражают свое недовольство режимом. То есть сети повседневности отказывают в доверии существующему режиму, в результате чего его легитимность ставится под сомнение. Стратегия exit выражается в отсутствии у граждан интереса к политике (в качестве примера мы можем привести отказ от участия в выборах) и, соответственно, отсутствию у граждан каких-либо

политических взглядов. Несмотря на то, что при стратегии exit власть и общество живут в разных измерениях, это отнюдь не отменяет вопроса о легитимности режима в условиях exit. На наш взгляд, при exit мы сталкиваемся с так называемой «плохой легитимностью»^{xiii}. Суть этой концепции, предложенной в свое время В.М.Сергеевым, заключается в том, что социальные сети, интерпретируя режим как плохой, – и тем самым отказывая ему в loyalty, – тем не менее не готовы к стратегии voice, так как транзакционные издержки оказываются достаточно большими, а выигрыш не очевидным. При этом понятно, что режим в такой ситуации не может мобилизовать социальные сети повседневности на свою поддержку (то есть не имеет «положительной легитимности»). Но при этом, если он существенно не повышает издержки для сетей повседневности, находящихся в exit, он может существовать достаточно долго, сохраняя «плохую легитимность». Повышение издержек выражается во вторжении в частную жизнь граждан (повышение налогов, отмена отсрочек от армии, отмена социальных льгот и т. д.). При этом надо отметить одну существенную вещь: данное соображение работает, если сети повседневности, пребывающие в exit, действуют рационально. Таким образом, для сохранения своего режима сетям власти необходимо добиваться от сетей повседневности либо стратегии exit, либо стратегии loyalty.

Во-вторых, сами элитные сети и особенно властные сети исполнения могут быть, как мы покажем ниже, интегрированы не ценностно, не процедурно, но онтологически. Ясно, что в этом случае модель типа предложенной А.А.Казанцевым оказывается не вполне справедливой.

После этого замечания представляется целесообразным перейти на примере украинского режима к вопросу о том, как тип интеграции социальных сетей влияет на стратегию стимулирования элитными сетями стратегии exit или loyalty (а в конечном счете и на характер режима). Достижение этой цели невозможно без анализа типа интеграции элитных и повседневных социальных сетей Украины, а также без подсчета издержек, которые несут элитные социальные сети при стимулировании стратегии exit или loyalty.

Социальные сети элит Украины

Стало общим местом при описании украинской политической элиты указывать на ее многообразие и плюралистичность^{xiv}. Или же отмечать раскол по линии промышленных элит Востока Украины, ориентированных на Россию, и аграрных западноукраинских элит, ориентированных на Европу и Америку^{xv}. При этом имплицитно предполагается, что на востоке и западе Украины элиты сильно консолидированы и проводят единую идеологическую политику.

Между тем практика показывает, что ни одно из этих суждений не поддается сколько-нибудь убедительному подтверждению: «пророссийские» восточноукраинские элиты предпринимали, предпринимают и, скорее всего, будут предпринимать все возможные усилия, чтобы воспрепятствовать реализации российских экономических интересов на

украинских просторах; многие западноукраинцы в большей мере озабочены инновационным развитием, нежели представители «староиндустриального» Донбасса. Наконец, в украинской политике не существует достаточно устойчивых коалиций – даже фракции один депутат за одну сессию может менять и дважды, и трижды. Ситуация может меняться очень быстро, и вчерашние политические конкуренты могут оказываться политическими партнерами и наоборот. Для убедительности приведем пару примеров:

Мэр Харькова Михаил Добкин избирался в Раду-2002 от ЗаЕДУ (блок «За Единую Украину»), дважды менял фракции, баллотировался в мэры как независимый, а параллельно в Раду-2006 по списку Партии регионов на более чем проходном 84 месте.

В период парламентской кампании 2002 года Александр Зинченко, бывший на тот момент заместителем председателя партии СДПУ (о) (Социал-демократическая партия Украины, объединенная), которую возглавлял тогдашний глава администрации Президента Украины Виктор Медведчук, обвинил основную оппозиционную силу НСНУ (Народный Союз «Наша Украина») Виктора Ющенко в национализме. Он назвал идеологию, которую исповедовал блок экс-премьера, «нашизмом». А уже в 2004 г. бывший эсдек возглавил избирательный штаб кандидата в Президенты Украины Виктора Ющенко.

Поведение Добкина и Зинченко в данном случае является трендовым. На Украине практически не осталось крупных политиков или бизнесменов, за свою карьеру не сменивших хотя бы одну партию или не поменявших свое отношение к режиму (см., например, карьеру крупного предпринимателя Богдана Губского (из «Единой Украины») 2002 г. перешел в «Батьковщину» Юлии Тимошенко в 2006 г.), Владимира Бойко (на парламентских выборах 2002 г. прошел по списку пропрезидентского блока «За Единую Украину», в 2006 г. баллотировался по списку оппозиционной режиму Кучмы СПУ (Социалистическая партия Украины)), политика Владимира Литвина (2002 г. – «За Единую Украину», 2006 г. – НПУ (Народная Партия Украины)) и т. д.)⁵.

Еще более красноречивый факт, свидетельствующий о том, что на Украине возможны любые, даже самые экзотические коалиции – это неспособность лидеров фракций контролировать своих членов во время голосования. Попытки обеспечить фракционную дисциплину с помощью применения санкций к нарушителям приводят лишь к их переходу в другие фракции.

Таким образом, можно сделать вывод, что украинские элитные социальные сети и властные сети исполнения либо не идеологизированы (то есть в сетях нет ценностной интеграции), либо же ценностно интегрированные сети не являются доминирующими.

Тем не менее это не мешает социальным сетям элиты быть интегрированными между собой. Наблюдения одного из авторов статьи и проведенная нами герменевтика текстов лидеров⁶ социальных сетей позволяют сделать вывод, что элитные украинские социальные сети в

⁵ Это позволило одному из авторов текста невесело пошутить, что наиболее сильной в стране является ППРУ – партия политических ренегатов Украины.

значительной степени интегрированы онтологически. Их объединяет представление о политике – как «части бизнеса, которая помогает решить проблемы». Такой тип онтологической интеграции элитных социальных сетей мало чем отличает их от обычных сетей повседневности, которые в основном тоже интегрированы друг с другом на почве решения проблем. Эти сети (как элитные, так и повседневные) можно охарактеризовать как сети обмена.

Посмотрим теперь, какой тип товаров и услуг оказывается востребованным сетями обмена на этом своеобразном рынке, и каким образом ценностно-интегрированные элитные сети могут оказаться на нем.

Самым главным товаром в условиях слабости институтов и высокой степени неопределенности являются властные ресурсы, а точнее, торговля санкциями. Именно угроза применения силы во многих случаях гарантирует надежность транзакций, позволяет принимать «нужные» решения (например, по поводу приватизации, введения того или иного налога), которые будут обязательны к осуществлению. Понятно, что ресурс «санкции» могут предложить лишь сети власти, так или иначе завязанные на властной иерархии. Чтобы оказаться на нужной иерархической ступеньке и вступить в сеть обмена, необходимо следовать формальным и неформальным правилам иерархии. В том числе оказываться полезным тем социальным сетям, от которых зависит продвижение по ее ступенькам.

Огромную ценность на рынке имеет такой специфический товар, как доверие, без которого была бы невозможна любая транзакция между элитными сетями. Дело в том, что украинские элитные сети, участвующие в обмене, имеют довольно разный операциональный опыт (в силу того, что бизнес «красных директоров», трейдеров, силовых предпринимателей, начинающих металлургических магнатов, выходцев из науки отличается друг от друга). Это приводит к разным представлениям о том, по каким правилам должен вестись обмен, что в свою очередь блокирует процедурную интеграцию и увеличивает издержки. Теоретически такая проблема решается за счет формальных институтов, которые, как мы уже отмечали, работают на Украине довольно слабо. Дефицит доверия компенсируется в республике за счет неформального института посредничества. Посредник должен обладать значительным социальным капиталом. Для этого он должен быть «своим» для сетей с разными ресурсами. Вот почему, как правило, в посредниках оказываются люди, чей род деятельности так или иначе завязан на работе с различными сетями и которые в связи с этим в любой момент могут актуализировать нужную идентичность (например, юрист Виктор Медведчук или ученый из Всесоюзного научно-исследовательского трубного института Виктор Пинчук). Хотя, конечно, больше всех транзакций в силу своей специфики производят сети власти, которые и оказываются главными посредниками в сетях обмена (интересно отметить, что альтернативные посредники после того, как получают значительный социальный капитал, тут же оказываются включены в формальные сети влас-

ти (см. сеть Виктора Медведчука - Григория Суркиса, сеть Александра Волкова). Проблема при такой неформальной институционализации обмена оказалась в том, что сети власти, как, впрочем, и другие посредники, не всегда могли гарантировать сделку. Это уничтожало социальный капитал внутри сети обмена, что практически сделало невозможной любую положительную транзакцию внутри сетей обмена.

Также очевидно, что в сетях обмена важными ресурсами оказываются финансовые ресурсы (отсюда – участие в них сетей бизнеса) и идеи, которые могли бы принести выгоду участникам сетевого обмена. Идеи могут исходить непосредственно от участников сети обмена, а могут исходить из сети, еще не включенной в обмен (их вброс происходит через посредников). Продажа идеи – один из способов продвижения в эту сеть обмена.

Специфическим ресурсом, позволяющим оказываться в сети обмена, является поддержка сетей повседневности. Именно благодаря ей в сети обмена могут быть вовлечены элитные ценностно интегрированные сети (СПУ, РУХи, ПСПУ (Прогрессивно-Социалистическая партия Украины), КПУ (Коммунистическая партия Украины)). Правда, эти ценности мешают им принимать участие в *любой* транзакции, что до некоторой степени ограничивает их полную интеграцию в обменную сеть (представители неидеологичных сетей маркируют их как «чужих») и оставляет их в маргинальном положении. Единственный способ полностью интегрироваться в эту сеть заключается в отказе от своих ценностей и участия в любых транзакциях сети обмена. Однако в этом случае ценностно интегрированные элитные сети теряют свой главный капитал – поддержку сетей повседневности, после чего довольно быстро вылетают из сети обмена (см. историю КПУ, которая шла навстречу режиму Кучме при голосовании по ключевым вопросам, в результате чего стала терять свой электорат и статус в сети обмена).

При этом следует отметить, что у сетей повседневности, объединенных представлением о «политике как части бизнеса, которая помогает решать проблемы», практически всегда существует возможность демпинга идей и недопущения ценностно интегрированных сетей к сети обмена. Этот демпинг состоит в том, что данные сети могут предложить ценностно интегрированным сетям повседневности точно такую же идею, что и любая ценностно интегрированная элитная сеть, но при этом еще и осуществить ее. Пример тому – заимствование украинскими сетями власти у диссидентских сетей Западной Украины идеи независимой (прежде всего от России) Украины. В результате чего электорат РУХа, например, заметно поубавился.

Посмотрим теперь, какой тип интеграции характерен для массовых украинских социальных сетей повседневности.

У большинства социальных сетей Украины отсутствует какая-либо ценностная или процедурная интеграция. Доминирующим типом интеграции являются социально-экономические практики⁶.

⁶ См. результаты фокус-групп и социологических опросов, в которых респонденты на первое место ставят бытовые экономические проблемы. Центр «Рост-стратегия». Фокус-группы. «Анализ электората малых городов» – май-июнь 2005 г. Бюро маркетинговых технологий. Фокус-группы «Украина после выборов и продвижение новых партий». 5–6 марта 2005 г., фокус-группы Независимого социологического центра «Харьковчанин» в октябре–декабре 2005 г.

Массовые сети повседневности в украинском обществе

Важно отметить, что эти практики крайне дифференцированы. Это связано не только с типом производства, уровнем образования, но и с языком, который является специфическим онтологическим интегратором, маркирующим социальных агентов как «своих» и «чужих»⁷. Язык и порожденные им онтологии существенно повышают транзакционные издержки между социальными сетями повседневности при их взаимодействии друг с другом. Ведь по сути социальным сетям при транзакциях приходится согласовывать различные модели мира. Такие высокие издержки приводят к сильной фрагментации сетей повседневности.

Язык, а также советское прошлое становятся ценностными интеграторами для другого типа социальных сетей Украины. Взаимодействие между этими сетями в силу разных ценностей весьма затруднительно. Такие сети в силу своих понятных ценностей весьма предсказуемы, что делает их желательными партнерами для обычных сетей обмена. Но вместе с тем они остаются в какой-то степени маргинальными (из-за их непохожести на другие сети).

**Виртуальные
сценарии
эволюции
украинского
политикума
2000–2004**

В результате украинский социум может быть описан следующим образом. В элитных и массовых социальных сетях доминируют онтологически интегрированные сети обмена. Специфическим онтологическим интегратором для элитных сетей обмена служит представление о политике – как части бизнеса, с помощью которой можно решать проблемы. В то время как для массовых сетей таким интегратором является язык. Немногочисленные ценностно интегрированные сети как в элите, так и в массовых сетях оказываются в маргинальном положении.

Зададимся вопросом, каким образом элитные сети обмена могут легитимировать свое нахождение у власти? На какие сети повседневности им необходимо при этом опереться?

Опора на существующие ценностно интегрированные сети содержит для сетей власти высокие риски. Стратегия возврата к советским ценностям ставила бы под сомнение украинскую государственность, а вместе с нею самое существование элитных сетей обмена. Стратегия радикальной украинизации могла привести к обвалу режима, так как это могло сделать издержки рациональных модернистских социальных сетей⁸ за пределами и могло спровоцировать *voïce*. Поэтому по отношению к ценностно интегрированным сетям власти была выбрана стратегия демпинга (заимствование идеи ценностно интегрированных сетей) – см., например, популярный слоган «Украина – не Россия» или же периодические обещания повысить статус русского языка до второго государственного. Благодаря этой стратегии элитные ценностно интегрированные сети лишались поддержки части ценностно интегрированных массовых сетей.

Поэтому устойчивость режима так или иначе во многом зависела от позиции множества различных интегрированных социально-эконо-

⁷ Под рациональными модернистскими сетями повседневности мы подразумеваем сети, чей род деятельности так или иначе связан с интеллектуальным трудом.

На Украине эти сети в основном русскоязычные. Вот почему политика украинизации повышала бы их издержки.

мическими практиками сетей повседневности. Принципиальным было только, чтобы их стратегия была либо *loyalty*, либо *exit*. Рассмотрим теперь три возможные стратегии власти, которые теоретически стимулировали бы у сетей повседневности либо *exit*, либо *loyalty*.

Вариант 1. Идеологическое *loyalty*

Сети власти могут обеспечить себе *loyalty* двумя способами. Либо с помощью идеологической политики, либо с помощью включения сетей повседневности в глобальную сеть обмена.

Политика идеологического *loyalty* в условиях, когда у рациональных сетей повседневности разный образ будущего Украины⁹ (вследствие разных операциональных опытов и ценностей), таит для сетей власти большие транзакционные издержки. Для реализации такой политики изначально нужно сформулировать общие ценности, которые могут быть приняты этими сетями повседневности. Для этого сетям власти нужно создать переговорные институты с рациональными сетями повседневности, чтобы, с одной стороны, сформулировать эти ценности, а с другой стороны, в процессе переговоров легитимировать их. Также для осуществления идеологического *loyalty* необходимо создать механизмы для реализации политики, соответствующей этим ценностям. Но самой большой издержкой для элитных сетей может оказаться разрушение собственной онтологической интеграции (политики – как части бизнеса, с помощью которой можно решить разные проблемы). При этом очевидно, что создание институтов переговоров с массовыми сетями повседневности снижает выгоды сетей власти от обмена ресурсами.

Вариант 2. *Loyalty* через включение сети повседневности в сеть обмена

Этот вариант *loyalty* с одной стороны содержит для сетей власти меньше издержек, чем предыдущий (хотя бы потому, что не приходится разрушать онтологическую интеграцию). Тем не менее издержки в таком варианте также довольно значительны. Это и уменьшение прибыли от обмена, это и конкуренция с другими элитными сетями за патронаж над сетями повседневности. Но главная проблема состоит в том, что такой патронаж несет в себе риск перехода модернизированных сетей повседневности из *exit* в *voice* (интерпретация ими такого патронажа как подкупа и демонстрации неуважения к ним), что, учитывая постоянный *voice* ценностно интегрированных сетей, может привести к обвалу рожима.

Вариант 3. Стимулирование *exit*

Сами по себе сети (в том числе и властные) не интегрированы идеологически и являются экзитными по отношению к политике. Если они не видят прямую выгоду от социального взаимодействия, то они не будут в нем участвовать. Соответственно, выключение их из политики требует небольших издержек. Здесь присутствует единственный тонкий

⁹ См., например, раскол в модернистском Харькове по вопросам экономики («Государство должно сделать упор на развитие передовых наукоемких технологий» – 40,8% респондентов и «Государство должно сделать упор на восстановление простаивающих фабрик и заводов» – 59,62% респондентов) или же роли государства в жизни общества («государство не должно вмешиваться в частную и деловую жизнь граждан» – 38,38% респондентов и «государство должно взять под контроль деловую, а если понадобится, и частную жизнь страны» – 41,56% респондентов). Независимый социологический центр «Харьковчанин». Ценностные ориентации харьковчан. 7–16 ноября 2005.

момент — ни в коем случае не следует повышать их повседневные издержки или пытаться навязать им чуждые ценности, иначе это спровоцирует *voice*. Таких ошибок украинские сети власти долгое время успешно избегали.

Более того, через особые механизмы коммуникации украинские элитные сети эти издержки снижали. Так, региональные элитные сети оказывали социальный патронаж немодернизированным сетям повседневности¹⁰. А модернизированные сети, если им вдруг требовалось поддержка сетей власти, за счет высокой плотности социальных сетей на Украине могли напрямую, без посредничества партий решить свои проблемы.

В итоге получалось следующее.

Во-первых, выключенными из политики оказываются как сети повседневности, интегрированные социально-экономическими практиками (в силу политики, проводимой сетями власти), так и ценностно интегрированные сети (институтов по их включению в политику нет, а их элитные представители оказываются маргинальными в сетях обмена).

Во-вторых, следствием такой степени *exit* является существование разных реальностей у сетей обмена элиты и сетей повседневности.

И, наконец, третий момент. Такой *exit* в условиях фрагментированности как ценностно, так и онтологически интегрированных элитных сетей позволяет значительно снизить издержки для сетей власти по поддержанию режима. Задача этих сетей заключается в том, чтобы не дать сойтись ценностным сетям и сетям онтологическим, что в условиях их взаимного недоверия не представляет особого труда.

Обвал режима. Майдан

Последнее соображение особенно важно для адекватной интерпретации событий, свершившихся в ходе и после президентских выборов 2004 года. Так, в частности, становится понятным, что, вопреки сложившейся в российских экспертных кругах¹¹ точке зрения, ни США, ни какая либо другая сила не способны организовать «оранжевые революции» в режимах, где доминирующими сетями являются сети повседневности. Революция в них возможна либо из-за вторжения сетей власти в частную жизнь сетей повседневности путем повышения издержек, либо из-за совершения ими поступка, идущего вразрез с ценностями сетей повседневности.

Применительно к украинским президентским выборам это означает, что любой кандидат, демпингующий среди ценностно интегрированных сетей, оказывающий социальный патронаж немодернизированным сетям повседневности и имеющий образ, не противоречащий ценностям модернизированных сетей повседневности, будет иметь успех. У оппозиционных кандидатов в таком случае просто нет шансов.

Выбор в качестве единого кандидата в Президенты Виктора Януковича, имеющего две судимости, с этой точки зрения нельзя назвать удачным. Он был воспринят модернизированными сетями повседневности

¹⁰ Бюро маркетинговых технологий. Фокус-группы «Украина после выборов и продвижение новых партий». 5–6 марта 2005 г.

как угроза их ценностям, а значит, неуважение к ним. Идентичность этих сетей хорошо выражена в популярном слогане времен «оранжевой революции»: «Мы не козлы! Мы люди!»^{xviii}. (Об этом также свидетельствуют жаркие дискуссии на интернет-форумах ведущих украинских СМИ^{xix}, а также создание сайтов вроде ham.com.ua (по слухам, «Хам» – прозвище В.Януковича в уголовных кругах)). Иными словами, часть этих людей превратилась из электората в граждан Украины. По наблюдениям одного из авторов статьи, такая мобилизация (установление палаток на площадях городов, участие в митингах, завязывание оранжевых ленточек на деревьях, создание интернет-сайтов Виктора Ющенко) происходила исключительно благодаря самоорганизации социальных сетей повседневности. Все же усилия штаба Виктора Ющенко самим мобилизовать эти социальные сети ни к чему не приводили (равно как и аналогичные усилия Виктора Януковича), что говорит об отсутствии какой-либо позитивной интеграции между модернизированными сетями повседневности и элитными сетями В.Ющенко.

Еще большую гражданскую идентичность этим социальным сетям придавал стиль ведения кампании Виктора Януковича. Попытка повысить пенсии и зарплаты, история с отравлением/пластической операцией Виктора Ющенко, которая интерпретировалась электронными СМИ как алкогольное отравление, – все это убеждало социальные сети повседневности в том, что власти считают их быдлом^{xx}.

Уже к первому туру эти сети были полностью мобилизованы и не боялись демонстрировать свою идентичность (весь Киев перед первым туром голосования был в оранжевых цветах)^{xxi}. Грубая фальсификация результатов второго тура, а также отсутствие институтов спора, которые были бы легитимны, вывели эти сети на Майдан^{xxii} и преопределили судьбу третьего тура.

Хотя, конечно, нельзя в победе В. Ющенко недооценивать того факта, что его неидеологической сети удалось получить поддержку ценностно интегрированной сети «украинцев» (чему в немалой степени способствовала пропаганда в электронных СМИ, называвших его «националистом» и «ставленником Америки»).

Еще более интересной оказалась история с мобилизацией белоголубого Майдана. Избирательная стратегия Виктора Януковича состояла, с одной стороны, в социальном патронаже немодернизированных сетей повседневности (увеличение пенсий и зарплат, внесение законопроекта о придании русскому языку статуса второго государственного), а с другой, в попытке мобилизовать ценностно интегрированные сети «советского прошлого» (заигрывание с Россией в период избирательной кампании, страшилки о «националисте» Ющенко и «руке» Америки), что в свою очередь способствовало отторжению ценностно интегрированных сетей «украинцев».

Принципиальным для таких сетей, на которые попытался опереться Янукович, является неприятие политики как таковой («работать надо, а не политикой заниматься»)¹¹. Поэтому их мобилизация возможна

¹¹ Фокус-группы «Украина после выборов и продвижение новых партий». Бюро маркентиговых технологий. Март 2005.

только при условии угрозы значительного повышения издержек в их повседневной жизни. Интерпретация ими образа будущего при Президенте В.Ющенко – введение войск НАТО, тотальная украинизация жизни – очевидным образом содержала в себе эти издержки. Однако, как и в случае с оранжевым Майданом, их мобилизация была вызвана неготовностью принять эти издержки, иными словами, игнорированием их мнения в Киеве (то есть новая власть тоже держит их за «быдло»)xxiii.

Таким образом, итогом президентских выборов 2004 стал переход социальных сетей повседневности либо в voice (часть и модернистских, и немодернизированных сетей), либо в loyalty в режиме ожидания (модернизированные сети, надеющиеся на включение в политику). Что касается элитных сетей, то главным итогом революции стала потеря прежней сетью власти своей посреднической функции. Это по-новому поставило вопрос о принципах взаимодействия внутри сети обмена в условиях еще большей утраты доверия между сетями. Возможным решением проблемы доверия могла стать конституционная реформа, которая должна была институционализировать сложившуюся сеть обмена.

Новый exit

¹² См. рост рейтингов Партии регионов с 15,6% (<http://www.podrobnosti.ua/society/2005/04/21/206369.html> (опрос центра Разумкова. Апрель 2005)) и до 27,4% (<http://www.unian.net/rus/news/news-98167.html> (опрос центра Разумкова. Февраль. 2006)).

¹³ Так, например, в городе Харькове было зафиксировано увеличение числа людей, не собирающихся голосовать на выборах в Верховную Раду, на 20% с одновременным падением на ту же цифру рейтинга НСНУ. (См. Независимый центр «Харьковчанин». Электоральные предпочтения харьковчан. 27 октября – 6 ноября 2005.)

Тем не менее во всех этих раскладах существенным моментом было сохранение социально-экономических практик в качестве главного интегратора социальных сетей Украины. Это ставило перед новыми сетями власти дилемму: либо режим идеологического loyalty с опорой на модернизированные сети повседневности, требующие их включения в политику, либо возвращение к режиму exit. Привлекательность политики идеологического loyalty вследствие высоких издержек и антиинституционального мышления (см. в качестве примера попытки разрешить бензиновый и сахарный кризис через давление на бизнесменов, попытки объявить реприватизацию до решения суда и т. д.)xxiv была крайне мала для новых сетей власти.

Экзитный режим (то есть возвращение к прежнему режиму) сохранил в себе меньше трансакционных издержек. Для этого новым сетям власти не надо было вмешиваться в частную жизнь сетей повседневности, демпинговать ценностно интегрированные сети и разрушать вокруг себя всякую коммуникацию.

Однако до конца придерживаться этой стратегии у новых сетей власти не получилось. Сахарный и бензиновый кризис, заигрывания с НАТО спровоцировали voice по отношению к режиму ценностно интегрированных сетей и немодернизированных сетей повседневности¹². Обвинения в коррупции в адрес окружения Виктора Ющенко со стороны Юлии Тимошенко и разрушение коммуникации между властью и модернизированными сетями заставили последних уйти в exit¹³.

В итоге экзитный режим установился снова, но из-за exit'a модернизированных сетей повседневности и voice немодернизированных

В.Ющенко не удалось выключить из сетей обмена старые элитные сети (сеть В.Медведчука, сеть В.Януковича), к чему он всячески стремился. В результате между, казалось бы, еще вчерашними врагами стал возможен компромисс, который лишний раз свидетельствовал об отсутствии в элитных сетях ценностной интеграции.

* * *

Онтологическая интеграция и интеграция на основе социально-экономических практик всего социума Украины накладывает жесткие ограничения на характер политического режима Украины и потенциальные сценарии эволюции украинского политикума. В частности, при таком типе интеграции социума любая идеологическая политика несет в себе множество рисков и издержек для власти. Для оппозиции же ценностная интеграция – прямая дорога к маргинализации. В итоге сети власти, снижая издержки, выбирают exit для себя, ограничивая свою деятельность обменом ресурсами с другими элитными сетями, и стимулируют exit сетей повседневности. Избирательный процесс в условиях поощрения всеми основными элитными акторами сущностного exit массовых сетей повседневности (явка и процент проголосовавших важны, но реальная электоральная мобилизация чревата большими рисками, чем относительный неуспех на выборах) превратил последнюю парламентскую избирательную кампанию в симулякр симулякра.

Литература и примечания

¹ См., например, *Dahl R. Polyarchy: Participation and Opposition*. New Heaven, 1971; *Lijphart A. Comparative politics and the comparative method // Comparative Political Studies*. 1968. Vol. 1. P. 3–44; *Linz J., and Alfred S. The Breakdown of Democratic Regimes: Latin America, 1978* и т. д.

ⁱⁱ <http://www.politstudies.ru/vm/vm3.htm>.

ⁱⁱⁱ *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

^{iv} *Brie M. The Politic Regime of Moscow – The creation of a New Urban Machine? – Wissenschaftszentrum Berlin für Sozialforschung Working Papers*, P. 97–002; *Гельман В. Я., Рыженков, Бри М.* Россия регионов: трансформация политических режимов. М., 2000; *Kuzmin A. Relations between Regions and the Federal Center: Legal Frameworks and Political Practices // Legal Foundations of the New Russia. – Oslo: NUPJ, 1998; Кузьмин А.С., Мелвин Н.Дж., Нечаев В.Д.* Региональные политические режимы в постсоветской России: опыт типологизации // *Полис*. 2002. № 3; *Нечаев В.Д.* Региональные политические системы в постсоветской России // *Pro et contra*. Том 5. 2000. № 1. Зима; *Urban M.E., Gel'man V.* The Development of political parties in Russia // *Democratic changes and Authoritarian Reactions in Russia, Ukraine, Belarus and Moldova*. Cambridge, 1997.

^v *Sergeyev V. The Wild East*. New York – London. 1998.

^{vi} Пространство публичности в российском обществе: материалы научно-практического семинара / Горбачев-Фонд / Составители О.М.Здравомыслова, А.С.Кузьмин. Москва, 1 марта 2001 года.

^{vii} *Казанцев А.А.* Три сценария «цветной революции» в РФ или моделирование сетевой динамики российской политики // Полис. 2006. № 1.

^{viii} *Кузьмин А.С., Сергеев В.М.* при участии *Казанцева А.А.* Лекции по теории политики. Курс, прочитанный на ФИПП РГГУ в 2000/2001 году. – В печати.

^{ix} *Кузьмин А.С., Сергеев В.М.* при участии *Казанцева А.А.* Лекции по теории политики. Курс, прочитанный на ФИПП РГГУ в 2000/2001 году. – В печати; *Сергеев В.М.* Социальные сети в политических исследованиях. Курс, прочитанный на ФИПП РГГУ в 2004/2005 году. – В печати; *Сергеев В. М.* Как возможны социальные изменения? (Пролегомены к статистической теории социальных сетей) // Полис. 2001. № 6; *Сергеев В.М., Сергеев К.В.* Механизмы эволюции политической структуры общества: социальные иерархии и социальные сети // Полис. 2003. № 3.

^x *Бирюков Н.И., Сергеев В.М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

^{xi} *Бирюков Н. И., Сергеев В. М.* Становление институтов представительной власти в современной России. М., 2004.

^{xii} *Hirschmann A.* Voice, Exit and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations and States. Cambridge. 1970.

^{xiii} *Сергеев В.М.* Демократия как переговорный процесс. М., 1999.

^{xiv} *Фесенко В.В.* Политическая элита Украины: противоречия формирования и развития // Полис. 1995. № 6; *Зоткин А.А.* Влияние региональных элит на формирование властной элиты Украины в периоды консолидации и дезинтеграции власти // <http://elis.pstu.ru/sotkin.htm>.

^{xv} *Федоров В.* Украина сейчас переживает тяжелый исторический момент потери ориентиров http://www.kreml.org/news/98335998?mode=print&user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca45c626; На фоне «оранжевой революции»: Украина между Востоком и Западом: вчера, сегодня, завтра / Под ред. Затулина К.Ф. М., 2005.

^{xvi} *Пинчук В.* Ночным сторожем на заводе я работал каждые два дня // Факты. 14 дек. 2005; *Кучма Л.* Меня невозможно выбросить из обоймы // Власть денег. 23 сент. 2005; *Литвин В.* Критерии власти – ответственность, профессионализм и патриотизм // <http://www.podrobno.sti.ua/opinion/2002/03/09/18046.html>.

^{xvii} *Павловский Г.* Революции вовремя не дали в морду // <http://www.kreml.org/media/72912568>; *Никонов В.* США перечислили различным фондам, поддерживающим Ющенко, порядка 200 миллионов долларов // http://kreml.org/opinions/70072553?user_session=dedce22d07a7cfe0f51ca45c626; *Милитарев В.* Ожидается весеннее политическое обострение // <http://www.ctvr.ru/lentan/5127.html>; и т. д.

^{xviii} *Разутыкко Г.* Добрый день, Константиновка // <http://konstantinovka.com.ua/npp/index.php?link=nppm20045101>; *Теслов А.* С Ангелом на плече // http://maria.sarov.info/index_public_s_angelom_na_pl.html.

^{xix} См., например, www.pravda.com.ua, http://www.livejournal.com/userinfo.bml?user=2004_vybory_ua.

^{xx} См., например, <http://community.livejournal.com/kharkiv/11933.html>; <http://www.maidan.org.ua/static/news/1101119158.html>.

^{xxi} *Панюшкин В.* Оранжевый уровень угрозы // Коммерсант. 20 нояб. 2004; частные сообщения.

^{xxii} См., аргументацию людей, вышедших на Майдан в Харькове <http://community.livejournal.com/kharkiv/11933.html>; в Киеве <http://mi-khail-golub.livejournal.com/2004/11/26/>

^{xxiii} http://www.ya2006.com.ua/feedback/41a5e64abe042/view_print/